

НА
ДЕ
Ж
ДА

НЕ
ЛИ
Д
О
В
А

Сёстры
Рябинины и К°

Надежда Нелидова
Сёстры Рябинины и Ко

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Сёстры Рябинины и Ко / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966546-1

«...И вот сестрицы сдали экзамен на аттестат зрелости. Причем Неля решила контрольный вариант по алгебре за себя и сестру, а Ляля преспокойно ответила на экзамене по литературе и русскому языку на вопросы двух билетов. Близняшки были в одинаковых передничках, волосы причёсаны одинаково, и даже подведённые глазки были опущены с одинаково постным выражением. Зоркая классная, и та не заметила подвоха»

ISBN 978-5-44-966546-1

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

СЕСТРЫ РЯБИНИНЫ И Ко	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сёстры Рябинины и Ко

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6546-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕСТРЫ РЯБИНИНЫ И К^о (Повесть о девчонках из девяностых)

В семье дети были взрослыми. Дочь отработывала преддипломную практику, сын заканчивал школу. Старая мать стеснялась своей беременностью. Родились две девочки, близнецы. Назвали: Ляля, Неля. Двойняшки были похожи на забавного чернявого зверька, который вдруг почему-то раздвоился в глазах, с кривыми толстыми ручками и ножками, головастые, с приплюснутыми носами, с оттопыренными ушками.

В семье их любили очень.

Едва мать успевала покормить их, как приходила с работы дочь, бросала в угол портфель и спешила, раскинув руки, к сестричкам. Приседала по очереди перед каждой – они, приплясывая, охватывали лапками ее шею – и одевала на прогулку. Она привозила их из скверика, где гуляющие неизменно выражали восторг («Бывает же такое! Ну как две капли воды!») И уже приходил со смены отец, мыл тщательно руки с мылом и на цыпочках, в носках, шел к девочкам.

– А мы – во! Самые лучшие на свете! – ликовал он, показывая большой палец.

– С ума сошел, – смеялась мать. Даже немного обижалась: к старшим он не выказывал такой любви.

Потом подростки сестрички стали взбираться на брата. Он полулежал в кресле и читал толстую книгу по физике. Девочки ползали по нему, трогая пальчиками его тоненькие, только что отпущенные студенческие усики.

Время летело быстро: садик, школа. Семью постоянно лихорадило от всплесков буйной фантазии сестриц. В пятом классе сестры пришли к выводу, что их лица и фигуры страшно далеки от стандартов красоты. Для начала решено было похудеть. Гимнастика, диета, хула-хуп (в алюминиевом обруче соседский мальчишка просверлил дырку и всыпал туда килограмм речного песка), бег с первым трамваем. Лялю приходилось трясти и волоком волоочь с постели.

Сестры могли бы успешно защитить диссертацию на тему «Как похудеть» с предоставлением обильного теоретического материала, но на практике дело продвигалось туго. Их рослые, здоровые тела упорно не хотели принимать хрупких форм, как у некоторых спичкообразных одноклассниц.

Тогда они пошли на крайнюю меру: не брать в рот ни крошки две недели. Чтобы не вызывать у домашних подозрений, жидкую пищу решили выливать в унитаз, твердую – скармливать на балконе голубям. «В эти две недели, – убеждала возбужденная Неля сестру, – иссякнут все внутренние ресурсы. Потом в ход пойдет жировая прослойка. Слышишь, Лялька, жир пойдет!»

Сестрам нужно отдать должное: они стоически выдержали первые мучительные три дня, подкрепляясь лишь кипяченой водой. На четвертый день Неля, войдя в кухню, увидела: ее ненаглядная единоутробная сестрица, пристроившись на корточках у батареи, прямо со сковороды воровски пожирала наспех поджаренные полусырые картофелины. «Предательница», – жестко сказала Неля и вышла, изо всех сил хлопнув дверью.

Скоро кто-то сказал сестрам, что как раз наоборот, у них очень эффектная киногеничная внешность, и что на актерское отделение очень похожих близнецов берут почти вне конкурса. Ляля с Нелей в тот же вечер сели писать письмо в Москву во ВГИК. В письме они очень объективно подошли к описанию своей внешности, роста, веса, объема талии, груди и бедер, и в конце спрашивали, правда ли, что на актерское отделение конкурс сто человек на место.

Ответа из приемной комиссии они не дождались. Ну что же, все правильно: если туда действительно столько желающих поступить, всем же не ответишь, правда? Девочки знали, что творческий конкурс будет делиться на туры. К турам нужно было основательно подгото-

виться, порепетировать. Однажды после субботних танцев сестры не ушли из парка, а забрались, хихикая, в заросли акации и стали разрабатывать план действия.

Мимо по дорожке дефилировали редкие парочки, не на них Ляля с Нелей и решили испытать силу своего актерского дарования. Когда по аллее прошли, сцепившись под ручку, мужчина и женщина, Неля скомандовала шепотом: «Раз, два, три!» – заткнула уши пальцами и душераздирающе закричала: «А-а-а-а-а!». Можно было не сомневаться, что злополучную жертву тащит в кусты и убивает не менее дюжины озверелых бандитов.

Ляля вскрикнула от неожиданности и бросилась зажимать ей рот: «С ума сошла, Нелька!». Неля как раз в это время начинала кричать «помогите», но из-за Лялиной руки получилось беспомощно оборвавшееся: «Помоги...», так что фантазия живо дорисовала, как бандиты грубо заткнули рот жертве.

Результат превзошел все ожидания: мужчина и женщина поспешно, на что были только способны ноги, покидали пустынную аллею; еще одна пара, боязливо озираясь, спешила в противоположную сторону.

Вскоре Неля заявила, что не желает учиться и видеть вокруг сплошь самовлюбленных писанных красавиц и красавцев. Да они же с сестрой от тоски и зависти высохнут! Лучше, сказала она, поступать в институт с самыми обыкновенными ребятами. Ляля, как всегда, целиком с ней была согласна.

...И вот сестрички сдали экзамен на аттестат зрелости. Причем Неля, более сильная в точных науках, решила контрольный вариант по алгебре за себя и сестру, а Ляля преспокойно ответила на экзамене по литературе и русскому языку на вопросы двух билетов. Сестры были в одинаковых передничках, волосы причесаны одинаково, и даже подведенные глазки были опущены с одинаково постным выражением. Зоркая классная, и та не заметила подвоха.

Аттестаты получились вполне на уровне и открывали желанную дорогу в престижный вуз. Засуетились родственники и знакомые, тайно приведены были в движение соответствующие рычаги. В один прекрасный августовский день две рослые девицы с вздыбленными от химической завивки волосами, в сильно декольтированных майках, подвернутых джинсах и босоножках на громадных платформах, вылезли у аэропорта с двумя туго набитыми новенькими чемоданами и со всей шумной родней в придачу.

Привлекая внимание пассажиров, родня шумно, с поцелуями и слезами проводила девушек. Когда самолет взмыл вверх, в мире наступили невыносимые тишина и пустота. Ровно через три недели – в это время на имя абитуриенток Рябининых поступило четыре посылки и три денежных перевода – в притихшую квартиру пришла телеграмма: «Все отлично зачислены дневное отделение целуем встречайте 25 ж/д вокзале ЛяНе».

Мать тихо плакала, а на отца легла нелегкая миссия: открытками и телефонными звонками оповещать о радостной вести многочисленную родню. Их встречали на вокзале с цветами, шампанским, и брат, уже кандидат наук, прямо на перроне нацепил им каждой на запястье золотые часы. И на такси их повезли домой. По истечении недели, во время которой сестер буквально носили на руках, все в том же составе снова прощались.

Неля, в толстом свитере, джинсах и кедах (они сказали матери, что их группу посылают в колхоз убирать картошку), долго махала из тамбура рукой. Неразговорчивая проводница отодвинула ее и захлопнула дверь. Неля пошла к сестре.

2.

В купе, кроме них, больше никого не было. Теперь, когда они находились рядом и одни, становилось видно, что сестры кое в чем отличаются: Правда, обе были высокого роста, и черты лица у обеих были грубоватые. Они походили бы на грузинок, если бы не сильно вздернутые носы. У обеих из-под низких жестких челок блестели черные глаза под тяжелыми, темными от природы веками. У обеих густые брови срослись на переносицах, и на верхней губе темнел пушок.

Все-таки Ляля была чуть ниже ростом, уже в плечах и шире в бедрах – чуть-чуть, разумеется. Еще у Ляли была пара восхитительных ямочек на щеках. Они появлялись, когда Ляля не разжимая губ улыбалась. Зная это, Ляля по-другому и не улыбалась. Эти нежные вертикальные ямочки являлись предметом тайной жгучей зависти сестры. Действительно, было чем возмутиться: раз природа оделила их всем одинаково, то и ямочки, будь добра, тоже поровну.

Неля задвинула за собой дверь, не пропустив случая лишней разок взглянуть в зеркало и поправить чудовищной пышности начес на затылке. Взяла со стола грушу и с размаху села, закинув ногу на ногу.

– Нюнила? – сказала она вызывающе. – Давай уж сразу признавайся.

– Вот еще, с чего взяла? – Ляля, чтобы доказать обратное, тоже лихо закинула ногу на ногу и, помедлив, выбрала из целлофана грушу мельче. Вообще, видно было, что она немножко во всем подражает сестре.

... – Зря мы все-таки, да? – спустя некоторое время заговорила Ляля. – Зря мы им про институт не признались?

– Конечно, лучше бы было, если б мать сейчас с давлением лежала!

– Но мы бы осторожненько... что не поступили вовсе. Что совсем чуть-чуть по конкурсу не прошли. Конкурс-то вон какой! И Андрей Николаевич из приемной комиссии говорил, что такого столпотворения не помнит... А, Нель?

– Дерьмо ваш Андрей Николаевич! На лапу небось взял, – грубо сказала Неля. Злилась она именно оттого, что те же самые мысли давно лезли в ее голову. – Трусиха ты, Лялька, больше ничего. И трепачка. Небось телеграмму отбивать – это мы можем. Вон какую насочиняла: «Все отлично, целуем». Дура!,

– И сама дура! И не смей орать на меня, понятно? – закричала Ляля. – Ты же первая сказала: «Давай пошлем». Я только поддержала:

Сестры надулись. Ляля рассматривала грязные матрацы, свернутые в валики. Неля не моргая смотрела в окно, за которым проплывали последние городские постройки..

– Давай, Лялька, кончай дурить, – сказала она миролюбиво. – Что маме не сказали, очень правильно сделали. Такие кобылы неудачливые, как мы с тобой, сейчас сотнями у пап и мам на шеях повисли. А мы вот уезжаем... работать уезжаем. – Она затормошила сестру. – И весь год будем заниматься, как черти, ага? И поступим же, Лялька, быть того не может, чтоб не поступили... И потом, что интересного дома? Семнадцать лет в четырех стенах... Фу, надоело. Слушай, Лялька, а чего мне так жрать захотелось?

И Неля задумчиво хлопала ресницами и с подозрением бралась за живот. Ляля, большая любительница покушать, засмеялась и поддержала ее. Через минуту стоп был завален свертками, кулками. Все это двигалось и подпрыгивало на столе под стук колес, а сестры весело уплетали прощальные дары любвеобильных родителей.

– Да, папаша с мамашей у нас что надо, люди с пониманием, – отдуваясь и вытирая сладкие руки о бумагу, заключила Неля. – Слушай, Лялька, спорим: на следующей станции в купе войдет импозантный дядечка с брюшком. Начальник большой стройки.

– И предложит пойти в секретарши! – с восторгом сказала Ляля. Она обсасывала куриную косточку так ловко, что вертикальные ямочки на ее щеках появлялись и исчезали, появлялись и исчезали:

– Лялька, хреновый из тебя романтик! Нет же, он нас в самую передовую бригаду зачислит, крановщицами. Будем в кабинку на вышоту лазить... в таких комбинезончиках, закачаешься. Ты в красном, я – в голубом.

– Прелесть, – кивнула Ляля. – Замуж выйдем. Я, чур, за прораба. Прорабу сразу квартиру дадут. Трехкомнатную. А помнишь, как мы на экскурсию классом ходили, парень нам с крана кричал?

– Это в свитере? Хорошенький такой?

Затем разговор сам собой перешел на «шмотье», и сестры уже мечтали, какие костюмчики сошьют на первую зарплату.

3.

Никакой дядечка-начальник на следующей станции не вошел. Сестры ехали сутки и приехали в город вечером следующего дня.

Как раз в это время был наплыв пассажиров, все места в камере ручной клади были заняты. К автоматическим ячейкам, куда сестры было сунулись, выстроилась невероятных размеров очередь. И сестрам пришлось тащить все свои сумки и чемоданы на себе.

Ни в одной из гостиниц мест не было. В гостиничных вестибюлях, куда робко заходили девочки, в креслах и на чемоданах сидело великое множество народа.

Все-таки Неля набиралась духу, протискивалась к окошечку и, стараясь не смотреть на табличку «мест нет», скромно спрашивала, есть ли места. Ей отвечали «нет», иногда добавляли с раздражением: «У вас что, глаз нет?». Иногда вообще ничего не отвечали, хотя Неля повторяла вопрос дважды и трижды, и, не дождавшись ответа, отходила с пылающим лицом.

В одной из гостиниц они подошли к окошку вдвоем. Администратор, приветливая на вид женщина, привычно бросила: «Мест нет». И вдруг в глазах появилось любопытство: «Вы что же, близняшки?». Неля встрепенулась: да, да – и заплаканная Ляля с надеждой подняла голову и придвинулась ближе. Женщина, сцепив под подбородком пальцы, пояснила улыбаясь: «Похожие очень». И снова отрицательно покачала головой: «Нет мест, девочки. Рада бы помочь, да не могу».

«Смотри, Нелечка, – говорила Ляля на улице, задрав подпухшее от слез лицо на фасад гостиницы. – Смотри же, – дергала она за рукав сестру, – половина окон темные, номера пустуют. Что же это такое?!»

В одиннадцать Ляля и Неля поплелись обратно на вокзал. Тут под высоким потолком, заглушая человеческий голос, урчали лампы дневного света, гуляли по залу сквозняки, на кафельном полу стояли грязные лужи. Все скамейки были заняты, и Ляля с Нелей, наверно, целых три часа простояли на своих модных платформах, у обеих ноги прямо отваливались. У стоящих болели и немели ноги, у сидящих – зады, но последние стойчески терпели и не вставали размяться, потому что на их места хищно поглядывали десятки претендентов. Наконец, сестры укараулили местечко и втиснулись в уголок деревянной скамейки. Неля, положив голову на колени сестры, задремала, а Ляля закрыла ее руками, чтобы та поменьше дрожала.

Рядом клевала носом старушка в брезентовом балахончике, свесив голые ноги в калошках. Ноги не доставали до полу и тихонько покачивались. Она была такая жалкенькая, что Неля, не подозревавшая, что в стране могут быть такие старушки, даже по примеру сестры всплакнула.

В общем, ночь выдалась кошмарная, к утру сестры просто ооченели от холода. Ляле все-таки удалось заснуть, а Неля вообще не смыкала глаз и чувствовала себя, как пьяная. Они еле дождались, когда откроется буфет, правда, там не оказалось ничего, кроме пресных черствых булок и горького кофе за двадцать шесть копеек стакан. Сестры никогда еще не завтракали так отвратительно. Полуголодные, хмурые, продрогшие, они вышли с вокзала, чтобы начать поиски квартиры, где можно было временно остановиться. Решили искать поодиночке – так было больше шансов. Сбор – в пять вечера тут же, на вокзале.

Это было безумие – искать квартиру в начале осени в таком большом городе. На них смотрели как на ненормальных, когда они наивно спрашивали, не сдают ли хозяева площадь. «Нет; что вы. Раньше надо было искать, весной». Так или примерно так отвечали им всюду. Усталые, с убитыми лицами, без единого адреса в кармане встретились они вечером.

– Как у тебя? – спросила Неля охрипшим голосом.

– Нету, – тоже сипло отвечала Ляля, опуская глаза. И видно было, что она не раз сегодня принималась рюмить, и вот сейчас снова еле-еле сдерживается, чтобы не пуститься в три ручья.

– Может, вон туда ходим? – сказала Ляля после совсем уж безнадежного молчания. Она указывала на несколько бревенчатых домиков за железнодорожной линией – их почти не было видно за палисадниками с зеленью. Поразмыслив, Неля согласилась:

– Пошли, Лялька, попытка – не пытка. Ну, если тут повезет – в чем я очень сомневаюсь – это то же самое будет, что мы вытащим счастливый лотерейный билет.

Они вытащили этот лотерейный билет.

За одним из заборов тетенька в болоньевом плаще подметала двор гусиным крылом. Увидев две одинаковые лохматые головы, одновременно заглянувшие в калитку, и две пары глаз, умоляюще воззрившихся на нее, хозяйка сразу все поняла.

Оказывается, она сдает этот домик, так как сама давно уже живет в центре города у сына. Дом сломают только на будущий год. И дом, и двор, и маленький сад с тремя черемухами и плодоносящей яблоней предоставляются в полное их пользование.

Правда, и цену она назвала, суетливо теребя косынку, такую, что сестры ахнули. Но не отказываться же было!

Как только Ляля и Неля, переглянувшись и вздохнув, враз кивнули головами, хозяйка сразу захлопотала, подхватила у них сумки и повела в избу, а там усадила пить чай с вареньем. Когда пили, все объясняла: вот две койки, постельное белье вот тут, в шифоньере, посуда на полке, уголь во дворе под навесом; показала, как топить печь и закрывать трубу, чтоб не угореть. Надев очки, внимательно просмотрела их паспорта: Уходя и засовывая в сумку деньги, она уже называла их «дочками» и наказывала: «Вот адрес мой, вот телефон. Если что, соседи там возникать начнут, сразу ко мне».

4.

Во втором часу ночи Неля комкает пустой пакет из-под жареных семечек и, прицелившись, метает в угол.

– Еще достать? – спрашивает она у Ляли, которая, не в силах оторваться от интересной книги, продолжает шарить рукой в поисках семечек. Обнаружив, что с семечками покончено, она зеваает и задумывается.

– Слопаем все, а потом? Давай туши свет.

Неля на цыпочках бежит к выключателю, заодно заглядывает в буфет и, прихватив два куска хлеба, возвращается в постель.

– Лично мне такая жизнь по нутру, – признается она, доедая хлеб. – Только вот завтра снова хождения по мукам: работу искать. Найдем, и снова: медкомиссия, справки разные. Меня уже сегодня от поисков тошнит.

Обе чувствуют себя глубоко несчастными, им так надоели сегодняшние мытарства. Прозондировав почву, Неля продолжает:

– Знаешь, все-таки жуткая несправедливость: мы потеряем целый год! 365 дней будут навсегда вычеркнуты из нашей жизни, драгоценной, единственной и неповторимой. Ужас!

– Почему вычеркнуты? – удивляется Ляля. – Жить-то мы будем в это время..

– Жить! – усмехается Неля. – По-твоему, это жить?! Работать, чтобы есть, и есть, чтобы работать. Это рабство, а не жизнь. Ты, Лялька, ничего не соображаешь. Нам в школе твердили, что человек должен заниматься любимым делом – только тогда он обретет смысл жизни. А мы с тобой, выходит, будем бессмысленно заниматься нелюбимым делом целый год? Лазить по лесам и класть мокрые кирпичи?

– Почему мокрые?

– Потому что работать ты будешь не только под солнышком. Поняла, наивная, несведущая ты душа?

– Можно и потерпеть годик, – потихоньку сдается Ляля.

Возбужденная Неля отрезает:

– Терпи на здоровье, если хочешь.

Ляля обижается:

– Чего ты так со мной? А в поезде что говорила?

– Ну, мало ли что в поезде... А хорошо бы весь год жить так! – Неля красноречиво раскидывает руки по сторонам. – Ох, и лентяйки мы с тобой, ага? Давай не поработаем хоть месяц, Лялечка, солнышко. Вот увидишь, небо на землю не упадет.

– Нельзя. Нехорошо, и вообще.. Сколько нам мама обещала высылать? С расчетом, что мы на стипендию? Немного выходит... И кто нас, Нель, за язык тянул, что нам общежитие дали? Сказали бы, что на квартире – глядишь, еще с полсотни с родительской половины.

– — Оплошали, – грустно подтверждает Неля. – Может, пока не поздно, написать? Так, мол, и так. С общежитием ничего не вышло.

– Ты что?! Они же мигом сюда все примчатся – и в деканат: за что обижают наших чадушек? А их чадушек в помине нет в институте. Нравится такая перспектива?

Ляле такая перспектива не нравится.

– Может, Леня пошлет, – Неля имеет в виду брата.

– Жди, придет Ленечка. Он ведь женится. Так ему жена и позволит деньги переводить!

– Ведьмы эти жены, – вздыхают обе.

– Лялька, у меня созрела идея, идея, идея, – поет Неля. – Ты видела, сколько народа идет из гостиниц, не солоно хлебавши? На вокзал идет, чтобы спать. А там не то, что спать – присесть некуда. С маленькими детьми на полу ночуют. Давай их пускать к себе на ночь?

– Ну да... А хозяйка?

– А мы ей не скажем. Как, одобряешь?

Ляле идея нравится. Неля продолжает развивать мысль дальше:

– Устроим что-то вроде маленькой гостинички. Сами поселимся в кухне, спать придется на полу. Не бог весть, какие цацы.

– Цацы! – капризничает Ляля. – Не хочу спать на полу.

– Умолкни. Зато будешь стройная, как чинара... Значит, так: две койки есть, да еще хозяйкина полутораспалка, да еще раскладушка в чулане.

– А белье постельное?

– Еще легче: у нас с тобой по две смены, хозяйка дала по смене. Можно бы напрокат взять, да у нас прописки нигде нет. Шести смен на первое время хватит... Интерьерчик у хозяйки сносный: шторы, цветочки, коврики.

– А нам за это ничего не будет? – беспокоится Ляля. Уж слишком все хорошо получается, даже сомнение берет.

– Нам? Плохо? Лялька, ты ничего не соображаешь! Нам в ножки поклонятся, вот увидишь. Частники по пять рублей за ночь сдирают, а мы... ну, по пятьдесят копеек с носа. Ровно столько, чтобы расходы оплатить и самим прокормиться. Да нас атаковать будут. Про нас еще в газете напишут.

– Откроем фирму «Сестры Рябинины и Ко»! Отобьем клиентуру у гостиниц! – веселится Ляля. Сестры буйно фантазируют всю ночь напролет, и лишь когда стекла в окошках начинают синеть, они засыпают. Под кроватью пестрым ковром лежит шелуха от семечек... А сестры спят, обнявшись во сне.

На следующий день Ляля и Неля, как все нормальные девушки, отправляются в поход по магазинам, положив в карман – из экономии – только по семнадцать рублей.

В ЦУМе сразу купили Ляле юбку дешевенькую, но симпатичную, в желтую и черную полоску «елочкой» (старшая сестра сморщила бы губы: «Безвкусица»: ничего не понимает). В газетном киоске набрали открыток с цветными фото популярных артистов – здесь, к их изумлению, такие открытки продавались свободно.

Дома разложили их на кровати, вдоволь налюбовались и залепили всю стену, едва не поссорившись из-за Янковского. Потом Ляля примерила юбку – сначала с желтым свитером, потом с водолазкой. Решили, что с водолазкой гораздо лучше.

Потом пообедали, то есть попросту вскипятили чаю и пожевали хлеба с сыром и вареньем. Потом, переодевшись в тренировочные костюмы, шлепая крепкими белыми пятками, выскребли и вымыли комнату. Неля вытянула «Ніч яка місячна, зоряна ясна», и Ляля подхватила. Выбили дорожки, вытащили из дровяника кровать-полутораспалку, красиво застелили хозяйкиным бельем, пахнущим сердечными каплями и хранящим складки от многолетнего лежания.

Уборка была закончена в восемь вечера. Ляля с Нелей быстренько привели себя в порядок, подкрасились (по возможности умеренно) и направились к вокзалу, взявшись под руку.

5.

Над знакомым бетонным зданием светились огромные неоновые буквы. За толстой стеклянной стеной было видно, как на первом и втором этажах ходят пассажиры, стоят в очереди у касс. От фонарей у площади было светло, как днем. Стаей кучились легкие «волги» с изумрудными огоньками у стекол.

Сегодня было свободнее, чем день назад, и сестры быстро нашли пустовавшее местечко, точно не зная, с чего же им начинать. Слева на подстеленной газетке дремал старичок. Против них сидела пожилая женщина с круглым мягким лицом. У ее ног стояли чемодан и хозяйственные сумки. Рядом мальчик лет четырех раскачивал ногами в крохотных ботиночках, вертелся и приставал: «Бабуля, а, бабуля...»

Увидев двух совершенно одинаковых девочек в ярко-зеленых курточках и узких брючках, малыш так и застыл. Он, отталкиваясь ручонками, как лапами, сполз с сиденья, подошел ближе и встал перед сестрами: Он сосал пальчик и изумлялся все больше.

– Ишь, хорошенькие какие, – любясь, сказала женщина. – Вы, дочки, на какой поезд сидите?

– Мы ни на какой, – теряясь, сказала Ляля.

– Мы встречаем, – перебила Неля. – Барнаульский. А вы?

– У меня поезд, милые, только в шесть утра, – пожаловалась женщина.

– Ага, транзит. И родных нет в городе? – подозрительно обрадовалась Ляля.

– И родни нет, откуда ей здесь взяться. Дочка вызвала – к себе жить насовсем. За военным она, дочка-то, вот и колесит. Видано ли дело: дитя три года в глаза не видела, – сокрушалась женщина, переводя беспокойный взгляд с сумок на чемодан, с чемодана на внука и в обратном порядке.

Неля с пониманием кивала головой. Подтолкнув сестру локтем, она сказала беспечным голосом:

– А вы бы могли переночевать у нас – если, конечно, не против.

– Разве ж родители пустят? – засомневалась женщина.

– А они сейчас.. в отпуске. Мы одни... Это рядышком совсем, у вокзала.

– Во-он оно как, – прищуривая недобро глаза, и совсем другим, ехидным голосом протянула женщина. – К себе, значит, зазываете?

– Ну да, – продолжала объяснять ничего не замечающая Неля. А ничего не замечала она потому, что самозабвенно радовалась не столько успешному исходу задуманной операции, сколько своей доброте и доброте сестры, и радовалась за женщину и ее внука, которым не придется мучиться сегодня ночью под жужжащими лампами; и за всех тех радовалась, кого сестры облагодетельствуют в ближайшие ночи. – Тут близко, даже такси брать не нужно. Я помогу донести чемодан, а Ляля возьмет малыша на руки.

– Чемода-анчик, значит, брать можно? – сладенько улыбаясь, пропела женщина. И вдруг злобно зашипела, меняясь в лице. – А ну-ка, выметайтесь отсюда! Чего рты поразевали? Щас

мужа позову... Шас. Сеня, Сеня! – закричала она, призывно махая рукой в неопределенном направлении. Хотя ясно было, что никакого Сени тут нет. – Сеня, здесь какие-то бандитки пристают! Шас милицию позову! Товарищ сержант, товарищ сержант!

Старичок проснулся и отодвинулся подальше от кричащей женщины, а та продолжала призывать новых очевидцев:

– Ой, смотрите, люди добрые! Ой, чуть было от смерти спаслась! – и, набрав побольше воздуха в грудь, закричала на весь зал:

– Бегите отсюда, лахудры покрашенные! Бегите в свою бандитскую шайку, что честных людей заманивает. «Чемоданы, грит, берите. Поезда, грит, ждем». С дитем уже не жалеют! – в доказательство она подняла и показывала желающим внука, который вертел головой, гораздо больше испугавшись ее разъяренного вида.

– Вы... вы дура. Вы истеричка! Как вам не стыдно! Сию минуту прекратите, слышите? – шептала Неля прерывающимся голосом.

– Нелечка, не надо! Нелечка, уйдем отсюда скорее, – всхлипывала Ляля: – Нелечка, не связывайся.

Они не знали, как не умерли от ужаса и стыда, когда шагали быстро, чуть не бежали, спотыкаясь, через зал, и вслед им говорили: «Что случилось? Вот эти, которые убегают?.. Успокойтесь, гражданка, что они вам сделали?.. Милицию надо, обокрали, может»:

Сестры выбежали на улицу, не помня себя, с зажмуренными глазами, из которых текли черные от туши слезы и заливали сморщенные от страдания, запрокинутые лица. Они заскочили за будки телефонных автоматов, потому что у них не было сил бежать дальше. Они ничего не соображали, настолько их поразили грубые ужасные слова, срам, который они пережили. Но самое страшное ждало их все-таки впереди.

Шагах в тридцати от автоматов стояло несколько мужчин, наверно, таксисты. Они о чем-то совещались и глядели пристально в сторону девочек. Скорее всего, они видели их позорное бегство из зала. Один из них, мощный и низенький, приблизился. Засунув руки в карманы, он развязной походкой прошелся мимо сестер и будто ненароком задел плечом Нелю.

– Ну как, девочки, промышляем? – сказал он даже, кажется, с сочувствием.

Ляля прекратила душераздирающие рыдания и боком заползла за сестру.

– Ну так как, черненькая? – близко подойдя к Неле и глядя на ее широкие плечи и высокую грудь, уже напрямик сказал он. – Согласна, что ли? И подружку не обидим. По десять червонцев на нос плюс ресторан. Идет?

Другие мужчины не спускал глаз с места переговоров, и низенький успокаивающе покивал ему: сейчас, мол, порядок.

– Уйдите, – сказала, задыхаясь, Неля. – Уйдите отсюда, алкоголик. От вас вином пахнет.

– Ты не ори! – зло сказал низенький, крепко стискивая Нелину руку выше локтя. – В отделение, стерва, захотела? Устроим.

– Оставьте нас, пожалуйста, – плача, только и сумела сказать Ляля. – Нам и так очень плохо. Мы совсем не то, что вы о нас думаете.

6.

В эту неделю они, бедняжки, даже редко на улицу выходили. Целыми днями валялись и читали книжки, которые нашли на хозяйкином чердаке. Однажды Ляля принесла из букинистики сборник рассказов Шукшина. Сестры наслаждались всю ночь, читая вслух с выражением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.